



Валерий Хахунов

**Моё
сибирское
детство**

Валерий Хахунов

Моё сибирское детство

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71664199

SelfPub; 2025

Аннотация

В трёх автобиографических рассказах автор переносит читателя в послевоенные пятидесятые годы, в деревню Нижняя Курья, где разворачиваются события из жизни его семьи. Через яркие и трогательные воспоминания автор делится деталями быта, труда и взаимоотношений в колхозной деревне. Сенокосная пора, заготовка сена, работа на лугах и даже забавные случаи, как попытка юного героя управлять лошадью, – всё это складывается в живую картину прошлого. Автор стремится передать молодому поколению, как жили их предки, подчеркивая важность сохранения памяти о простых, но значимых моментах жизни. Рассказ наполнен теплотой, ностальгией и уважением к труду и традициям того времени.

Содержание

Один день Евдокии	4
Калейдоскоп воспоминаний	14
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Валерий Хахунов

Моё сибирское детство

Один день Евдокии

Январь 1953 года.

Колхозная деревня Нижняя Курья в глубинке Томской области.

Пять часов утра.

Евдокия встает с постели, шлепает босыми ногами по холодному полу в остывшей за ночь избе к русской печи, достает с нее пимы, обувается. В кромешной темноте на ощупь идет к столу, зажигает керосиновую лампу. Вздрагивает от внезапного гулко-го удара. Это треснуло бревно в стене избы от лютого мороза. Бросает взгляд на окно, полностью украшенное причудливыми морозными узорами.

В избе, в сколоченной наспех загородке, перебирает растопыренными ножками теленок, постукивая по полу. Ему два дня отроду. От него исходит какой-то младенческий запах вперемешку с запахом подстилки из свежего сена. Он тычется мордашкой в загородку, ему хочется есть. Будешь ты, малыш, накормлен молочком из бутылочки с соской, только попозже.

Евдокия зажигает фонарь «летучая мышь» и направляет-

ся во двор, проведать скотину. Дверь избы не сразу поддается, она примерзла к косякам и порогу, приходится толкнуть посильнее. В открывшуюся дверь клубами пара врывается мороз. Евдокия быстро захлопывает дверь, идет в хлев. В открытой части хлева пофыркивает лошадь, из ее ноздрей выдыхается пар. Эта лошадь служебная, «казенная». Она предоставлена хозяину государством для выполнения возложенных на него обязанностей. Содержание лошади обязан обеспечивать хозяин, но при этом он вправе пользоваться ею в личных целях, например: вспахать огород, привезти дрова, съездить в гости, и мало ли чего еще.

В закрытом хлеву стоит недавно отелившаяся корова, перемалывает свою жвачку и тяжело вздыхает; ее большие глаза блестят двумя светляками в слабом свете фонаря. Корову сюда загнали на время сильных морозов, чтобы, не дай бог, не застудилась, кормилица.

Тут же окружили хозяйку овцы, заблеяли. В отдельном закутке завозилась свинья. Заголосил петух, встрепенулись куры на насесте.

Евдокия вышла из хлева, взглянула на небо, усыпанное яркими звездами в сегодняшнюю безлунную ночь, вернулась в избу. Наскоро ополоснув лицо у рукомойника, принялась растапливать русскую печь. До завтрака надо успеть испечь хлеб. Квашня замешана с вечера, тесто подошло. Нужно подождать, когда прогорят дрова и печь прогреется, после чего скатать караваи и посадить их деревянной лопатой в рас-

каленное нутро печи. А пока надо приготовить завтрак для семьи и корм скотине.

Евдокия растапливает другую печь, с плитой. Сняв с плиты круги, устанавливает два чугуна. В одном греет воду на приготовление пойла скотине, в другом варит картошку для свиньи. В кастрюле варит кашу на завтрак.

Поднимается с кровати глава семьи Василий, сворачивает из газеты самокрутку, насыпает в нее самосад из трофейной немецкой оружейной масленки, закуривает. Изба наполняется едким густым дымом. Покурив, хозяин выходит во двор, раздает вилами сено лошади, корове, овцам. Он слышит скрип снега под ногами идущих по улице на колхозную ферму доярок, скотниц. Возвращается в избу с охапкой дров, помогает готовить, а затем раздавать корм скотине.

Позавтракав, Василий идет запрягать лошадь в сани. Он направляется в трехдневную поездку по ближним и дальним деревням и рабочим поселкам назначенного ему участка территории. Работает он агентом министерства заготовок и обязан вести учет всей живности, имеющейся в личном хозяйстве каждого жителя вышеупомянутых поселений, вплоть до каждой курицы. Владельцы живности обязаны сдавать государству часть продукции натурой с каждой скотской головы, в том числе: масло, мясо, яйца, шкуры забитых животных. Конечно, не полностью, а в размере установленных процентов. Этот вид обложения не применялся к колхозникам. Продукцию свозили на пункты сбора, затем она

отправлялась в райцентр и далее, на пропитание рабочего класса. Василий в своих поездках по округе навещает каждого хозяина, осведомляется по предъявленным квитанциям об уплате «оброка», записывает всё в большие «амбарные» книги. Недоимщикам грозит серьезными неприятностями.

Василий возвратился с войны с израненными ногами, на каждой из них выше колена остались длинные рубцы после операции по удалению осколков мины, разорвавшейся поблизости. Работать в колхозе не захотел, как и другие вернувшиеся с фронта мужики-односельчане. Устроился на должность секретаря сельсовета, где и пробыл несколько лет. В дальнейшем, по воле случая, определился на вышеупомянутую должность агента минзаготовок. Работа устраивает, не требует больших физических нагрузок при не совсем еще заживших ногах (беспокоит один невынутый осколок), оклад 500 рублей в месяц, опять же лошадь в своем распоряжении. Среди налогоплательщиков—уважаемый человек, в поездках встречают радушно, накормят и напоят—авось скостит немножко долгов.

Евдокия вручает мужу узелок с кое-какими припасами в дорогу, провожает, закрывает ворота, произносит «С богом!» и возвращается в избу.

Просыпаются ребяташки. Их четверо: трое рождены в точном соответствии с поговоркой «Что ни год, то Федот» — Валерка, Галька, Пашка; замыкающий—Колька, он отстал от Пашки на два года. Нехотя сползает с кровати Валерка, потя-

гивается, медленно одевается, натягивает пальтишко, валенки, шапку, выходит на улицу и, задохнувшись от морозного воздуха, устремляется в хлев, справлять нужду. До уборной далеко, совсем околеешь, если туда идти. Валерка старший из детей, ему доходит шестой год, он уже умеет читать. Азбуку и чтение по слогам постиг с помощью матери, а рукописный текст осваивал, сидя рядом с отцом, когда тот работал со своими налоговыми документами. Удивлялся каким-то странным фамилиям в ведомостях: Кулаксыс, Накрошис, Кремис и тому подобные. А дело в том, что эти люди были принудительно перемещены в наши края из Прибалтики, обзавелись хозяйством и оказались в числе плательщиков натурального налога.

Следом встала с кровати Галька, ей скоро исполнится пять. Проворно продела все то же, что и старший брат. Поднялся на ножки и держится за перила в своей деревянной кроватке Колька, настойчивым лепетом требует, чтобы его вынули. Ему еще нет и двух лет.

Евдокия позвала детей к столу, окликнула не вставшего с постели Пашку. В ответ услышала хныканье, подошла к кровати. Увидев покрасневшее лицо и ощутив тяжелое дыхание ребенка, приложила руку к его лбу, и тут же тревожно забилося сердце: у мальчишки сильный жар, а по деревне гуляет жестокий грипп. Мысли сумбурно закрутились в голове. «Что делать? Как лечить? Как уберечь других детей от болезни? Надо бы напоить маленького теплым молочком, да

где его взять: от своей только отелившейся коровы молоко еще не годится—свернется в молозиво при нагревании. Разве что попросить у соседей? Нет, лучше побегу в медпункт, просить помощи у фельдшерицы». Решение принято.

Галька с Валеркой увлеклись теленком, глядят его, разговаривают с ним. И Колька тут как тут, тянет ручонку в загородку.

Накормив детей и наказав им не выходить из дома, Евдокия одевается и поспешает в медпункт, расположенный недалеко от дома. Обрато приходит с таблетками и советами медработницы о том, что и как нужно делать в сложившейся ситуации.

С трудом удалось добиться, чтобы сынок проглотил таблетку и съел немножко каши, попил теплого фруктового чая.

Старшие дети, тем временем, заскучили. Сейчас бы пойти на улицу, пошуровать палкой воробьев под навесом сеновала, они там прокапывают норки в сене и прячутся в них от мороза. А можно заняться рытьем пещер в высоченных сугробах, наметенных возле изгороди на огороде. И уж совсем неплохо было бы вместе с другими ребятами покататься на санках с горы у речки, поваляться в снегу. А мамка не отпускает, слишком силен мороз. Галька начала возиться со своими куклами и просит брата сделать кукольную кроватку. Валерка только рад тому, что нашлось подходящее занятие. Отщепнул большим ножом лучину от соснового полена, расколол ее на палочки. Потом взял другой нож, неболь-

шой, с острым концом, и приступил к изготовлению деталей. Евдокия знает, что пользоваться ножом он умеет и в конечном итоге что-нибудь смастерит. Колька донимает старших и хнычет, а то и пускается в рев, когда они отмахиваются от него.

А самой надо озаботиться текущими делами по хозяйству. Приносит из холодной кладовки суп и укладывает его в кастрюлю. Это не описка, это факт. Суп представляет собой льдину с вкраплением всех суповых ингредиентов, отлитую морозом по форме чашки, в которой его выставили в холодную кладовку. Замораживают суп про запас и используют, когда по той или иной причине нет возможности приготовить утром свежий, пока топится печка. Сегодня именно тот случай, надо было приготовить что-то мужу в дорогу. Евдокия задвигает кастрюлю в русскую печь, закрывает заслонку. Тепло в печи держится долго, суп оттает и согреется.

На глаза попадает порожняя кадка для воды. Да, хозяйюшка, пора. Евдокия надевает старенькую фуфайку, укутывается шалью, с ведрами выходит в сени, берет коромысло, пешню и направляется к реке. Тропинка по снегу сегодня натоптанная, идти нетрудно. А каково бывает после снегопадов и метелей, когда ее полностью заметает. Через силу бредешь по глубокому снегу, пытаешься нащупать ногами, где потвёрже. Да с полными ведрами-то на плечах. До реки, пожалуй, метров семьдесят будет. Евдокия спускается по крутому склону к проруби, начинает долбить лед пешней. Он се-

годня толстый, долбить пришлось долго, аж жарко стало. Наконец, справилась, вычерпала ведром ледяное крошево, набрала воды, подцепила ведра на коромысло и, пригнувшись под тяжестью ноши, побрела в гору. И проделала такую ходку три раза кряду. Устала, ног под собой не чувствует. Отдохнуть бы немного, а мысль преподносит очередное задание: в хлеву накопилось много навоза, следовало бы поубавить. Посидела рядом с притихшим Пашкой, вздохнула, пошла выгребать этот клятый навоз.

Время подошло к обеду. Евдокия вынула из печи кастрюлю с разогревшимся супом, разлила по чашкам, позвала детей к столу. Сама же, первым делом, пошла попробовать хоть немного покормить Пашку бульоном. Слава богу, не отказался, чуток съел.

Пообедав, Евдокия уложила Кольку спать, попросила детей не шуметь и дать ей отдохнуть. От усталости, накопившейся за время, проведенное на ногах с раннего утра, потянуло на сон; все окружающее, и предметы, и заботы, куда-то уплыло. Она погрузилась в недолгий тревожный сон.

Очнувшись от сна, Евдокия достала кусок сатина, купленного на днях в сельпо, и принялась шить на стареньком «Зингере» кое-какую одежду для детей. Галька начала просить маму порисовать что-нибудь вместе с ней. Валерка занят одним из своих любимых увлечений: вышивает что-то нитками мулине на куске коленкора с канвой, натянутом на пальцы. Этим он может заниматься часами. Навыки вы-

шивания перенял от матери. Купили ему альбом с узорами для вышивания. Каждый узор составлен из клеточек, помеченных определенными символами: точка, кружок, крестик, диагональная линия и другие. Под рисунком написано, какой цвет ниток соответствует тому или иному символу. Евдокия хвалилась перед товарками-приятельницами изделиями сына, а они удивлялись: откуда у парнишки такое приращение к рукоделию.

За окнами начало темнеть, настало время неминуемых ежевечерних хлопот. Евдокия доликает керосин в лампу, зажигает ее, приносит дрова, растапливает печку, готовит корм и поило скоту. Идет в хлев, накладывает сено корове и овцам, разносит корм и поило. Доит корову и несет молоко в избу, наливает в бутылку и кормит из соски теленка. Принимается чистить картошку, пожарит ее с кусочками сала на ужин.

Накормив детей ужином, посидела у больного, дала таблетку.

Наконец-то все неотложные дела завершены, можно передохнуть. И тут же вспомнила, что Валерка накануне порвал пальтишко об гвоздь в хлеву, надо зашить.

Дети просят рассказать что-нибудь перед сном. Евдокия присаживается рядом с их кроватью и рассказывает либо известную сказку, либо ею самой придуманную историю, связанную с реальными событиями в ее жизни. Дети успокоились, закрыли глаза, посапывают. Евдокия поднимается,

проверяет, не забыла ли закрыть печную трубу, а то ведь вы-
стынет быстро.

Из прорубленного в полу кошачьего окошка вылезла кры-
са, осматривается, есть ли опасность. Шуганула крысу, да
что толку, все равно будет шарить ночью по избе в поисках
чего-либо съестного. На сегодня всё, пора спать. Завтра бу-
дет все то же самое, да еще бы выкроить время для постиру-
шек. Погасила лампу, легла, сон накрыл быстро.

Тихо в избе, только тикает маятник в настенных часах, да
шебуршит неугомонная крыса.

Калейдоскоп воспоминаний

Это повествование составлено из кратких заметок о событиях из детства, свидетелем или участником которых я был в возрасте от четырех до двенадцати лет, с 1951 по 1958 годы. На склоне лет возникло желание поведать детям, внукам о том, как проходило наше далекое детство, чем мы занимались, чем интересовались. Я не могу припомнить, чтобы что-либо рассказывал им об этом, и хочется немного заполнить этот пробел. Пусть сравнят свое детство с нашим деревенским, где жизнь познавалась совершенно в других условиях существования.

Две заметки о моих проделках будучи двух лет отроду. Конечно же, со слов матери.

Мать вышла из дома и с ужасом видит меня на самом вершине высокой лестницы, приставленной ко входу на чердак. Как снимали, не знаю.

Мать высадила на огороде рассаду капусты, а я, оставшись без присмотра, всю ее выдергал. Наверное, видел, как пропалывают грядки, вот и помог.

Все дальнейшее вынуто из глубин памяти. Безусловно, излагается без привязки к конкретным годам и датам.

Мать с бабушкой идут в баню, взяв с собой и меня. Я смотрю на них и недоумеваю, почему они выглядят не так, как папка.

С несколькими сверстниками купаемся в реке. У берега не глубоко, дно песчаное. Я захожу подальше, моя нога уходит под обрыв, я ушел в воду с головой. Плавать я еще не умею. От охватившего страха начинаю быстро молотить руками по воде и выгребая на мель.

Еще два случая на реке, но уже не такие забавные.

На берегу собрались несколько человек взрослых и мы, вездесущая детвора, желают удачи парню из соседней деревни, получившему повестку на службу в армии. Парень раздевается, заходит в воду, отплывает подальше от берега и исчезает. Поначалу никто не обращает внимания, нырнул и нырнул, что тут такого. Меж тем, время идет, а он не выныривает. Забеспокоились, наш деревенский охотник Петр Марьяшин скинул одежду и поплыл, стал нырять в том месте, где исчез парень. Но обнаружить не смог, глубина большая, до четырех метров. Тогда вспомнили, что у нас дома есть длинный бредень, побежали за ним. С лодки окинули бреднем место происшествия и вытащили безжизненное тело на берег, пытались оживить, сбегали за фельдшером. Но все впустую. Потом в народе говорили, что парень поступил так преднамеренно, панически боялся военной службы.

В другой раз, в какой-то летний праздник, народ вышел на берег. Среди подвыпивших мужиков возник спор: кто переплывет реку. Был в деревне один пришлый мужик, сошелся с одинокой женщиной и жил у нее, где-то работал. Вот он и вызвался попытать счастья. У меня и теперь перед глазами

черная голова среди волн, постепенно удаляющаяся от берега. Доплыл он до середины реки, на этом его земная жизнь и оборвалась. Безуспешно пытались вытащить его неводом, пускали по реке икону в надежде на то, что она остановится над утопленником. Исход этой истории я не помню.

Наша река Курья состоит из двух широких и глубоких плёсов, длиной до двух километров каждый, соединенных между собой узкой протокой. Верхний плес начинается от ручья-истока и сразу расширяется. Нижний плес соединяется протокой длиной около полутора километров с большой рекой Чулым. На плесах вода стоячая, в протоках есть течение. Совсем недавно я узнал, что на топографической карте наша река обозначается как озеро.

Наша родная деревня Нижняя Курья растянулась на пару километров по левому берегу. Очень многое связывало нас, детей, с рекой. Летом—рыбалка и купание до посинения, зимой—катание с берега на санках, лыжах, самодельных лотках-самокатах, по первому льду—скольжение на коньках по ветру при растянутых в стороны полах фуфайки. На реке оборудовали карусель. В лед вмораживается столбик около метра высотой, на него сверху крепится колесо от телеги, а к нему привязывают длинную жердь. Санки привязывают к свободному концу жерди, один из детей садится на них, а один или двое толкают жердь. Санки летят с довольно большой скоростью и иногда даже сбрасывают седока.

Однажды я, десятилетний, переплыл на вертлявом облас-

ке (это выдолбленная из толстого бревна посудина, если кто не знает) на противоположную от деревни сторону реки, чтобы поставить сеть. Встал на ноги, чтобы воткнуть тычку для привязки сети, поднажал. Тычка переломилась, рыбак плюхнулся в воду. Хорошо, что место неглубокое, голова осталась наверху. Взялся за обласок, побрел к берегу.

Во время весеннего половодья и начала навигации на Чулыме для меня наступала пора делать маленький гешефт. Через нашу деревню проходили на пристань и обратно жители большого рабочего поселка Кайлушка и деревни Крутогорка. Чулым в летнее время был единственной транспортной артерией, связывающей расположенные вблизи него селения. По нему ходили пассажирские пароходы «Тоболяк», «Черемхово» и другие, шлёпая по воде огромными колесами и выдыхая из широких труб клубы черного дыма. Люди идут себе на пристань, и вдруг—засада: на середине пути, между нашей деревней и пристанью, тропу пересекает глубокий лог, наполненный водой. Вот тут и приходит помощь—пацан на обласке, готовый за три рубля перевезти клиента через лог. Обычно мы работали вдвоем с еще одним парнишкой, по очереди, с учетом расписания проходящих пароходов.

Кроме того, я на той же пристани зарабатывал продажей пассажирам пароходов рыбы, пойманной отцом. Возил рыбу на обласке, проплывая два с лишним километра в одну сторону.

Из самых первых сохраненных памятью событий было та-

кое: удаляется от дома пешком в густой снегопад дядя Саша, брат моего отца. На нем ватная телогрейка. Это момент его убытия на военную службу, вся родня провожает. Следующая встреча с ним состоялась, когда он, отслужив положенный срок в Германии, возвратился домой с подарками. Мне подарил свою солдатскую фуражку и губную гармошку. Он часто бывал у нас дома, играл с отцом в шахматы. Однажды мы копали картошку. Дядя Саша подошел с дороги к изгороди, оперся одной рукой о верхнюю жердь и легко перемахнул через довольно высокое препятствие, чем подивил нас, детей. Сдружился с одной приезжей молодой женщиной, работавшей почтальонкой. Но эта дружба была недолгой. Вскоре объявилась другая пассия, девушка из семьи немецких переселенцев, Валя Гисс. Дело пошло к свадьбе. Я стал невольным свидетелем одного разговора Александра с мужем его сестры, Николаем Рюгиным. Дядя Саша спросил, как тот женился и каково оно живет в браке. Николай ответил просто: «Ну как, Маруська мне понравилась, походили, погуляли, я ее ... , вот и сговорились». Вскоре состоялась свадьба Александра с Валею. Уж она-то мне запомнилась. Мы с братом Пашкой не раз вбегали в дом, где шло гулянье, дурачились, путались под ногами у взрослых. Это вывело из себя нашего отца. Он выволок меня за шиворот на улицу и знатно отлупил трофейным немецким ремнем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.